

УДК 316.356.2(470.67)+2(470.67)

Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане

М. Б. Гимбатова, Э. М. Загирова

Гимбатова Мадина Багавутдиновна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, gimbatova@list.ru

Загирова Эльвира Махачевна, аспирант, Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, elvira.2005@inbox.ru

Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане являются производными от сложившихся образов этого типа семьи в дагестанском обществе. Авторы исследования придерживаются позиции, что, поскольку динамика развития каких-либо явлений и процессов протекает в пространстве между реальным и идеальным, развитие традиционной семьи как социального института напрямую связано с доминирующими в этом пространстве тенденциями. Более того, эти тенденции обуславливаются переплетением традиционного и инновационного в институциональном пространстве традиционной семьи, а следовательно, характер ее развития будет зависеть от того, какие семейные практики являются определяющими – с ориентацией на традиционность или инновации. По результатам исследования сделан вывод о том, что при сохранении в современном дагестанском обществе вероятности существования альтернативы институционального развития традиционной семьи преобладающей останется традиционно-модернизационная, с ориентацией на согласованное соединение традиционных основ семейной жизни и тех инновационных элементов, которые не несут угрозы сохранению традиционной культуры дагестанских народов. Также по результатам исследования установлено, что в маскулинном дагестанском обществе к женщинам неизменно предъявляли более жесткие и строгие требования. Наблюдающееся в общественном сознании дагестанских народов изменение отношения к женщине, оценка ее семейного поведения и семейных поступков констатируют заметные преобразования как в общественном сознании, так и в семейно-брачной сфере.

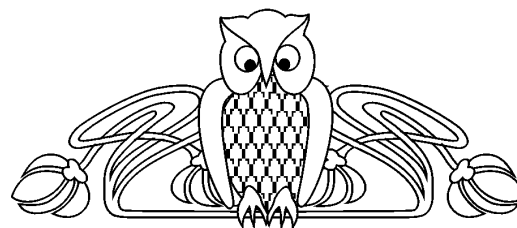
Ключевые слова: традиционная семья, дагестанская семья, дагестанские народы, семейно-брачная сфера, семейное поведение.

Traditional Family Development Institutional Alternatives in Dagestan

M. B. Gimbatova, E. M. Zagirova

Madina B. Gimbatova, <https://orcid.org/0000-0002-6767-4478>, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of RAS, 75 Yaragского Str., Makhachkala 367030, Russia, gimbatova@list.ru

Elvira M. Zagirova, <https://orcid.org/0000-0002-5586-7440>, Regional Center of Ethnopolitical Researches of Dagestan Scientific Center of

RAS, 45 Gadzhieva Str., Makhachkala 367032, Russia, elvira.2005@inbox.ru

Traditional family development institutional alternatives in Dagestan are derived from the family types which developed in Dagestan society. The authors are of opinion that as any phenomena and processes development dynamics takes place between the real and the ideal, the development of the traditional family as a social institution is directly connected with dominant trends in this area. Moreover, these tendencies are caused by interlacing between traditional and innovative in traditional family institutional space, and, therefore, the nature of its development will depend on what family practices are defining – with orientation to traditional character or innovations. On the basis of the research results, the conclusion was made that in case of preservation of institutional development of a traditional family, innovative alternative will prevail. At the same time, the orientation to coordinated connection between traditional basis of family life and innovative elements which do not imply the threat to traditional culture of Dagestan people will remain. On the basis of the research results the conclusion is drawn that within modern Dagestan society preservation of existing probability of traditional family institutional development alternative will remain. They can be characterized as traditional and modern, with orientation to the coordinated connection of traditional bases of family life and those innovative elements which are not posing threat to preservation of traditional culture of Dagestan people. According to the research results it is established that in masculine Dagestan society women are steadily imposed with more strict and rigid requirements. The change of the attitude towards women, which is present in public consciousness of Dagestan people, an assessment of their family behavior and family activity constitute noticeable transformations both in public consciousness, and in the family and marriage sphere.

Keywords: traditional family, Dagestan family, Dagestan people, family and marriage sphere, family behavior.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-23-31>

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Семейно-брачная сфера является одной из важнейших в предметном пространстве этносоциологического исследования дагестанских народов из-за ее непреходящей роли в сохранении и воспроизводстве этнокультуры и структуры данного региона во всем его национальном многообразии. Поэтому, являясь и по сей день носителем этноспецифических черт и каналом трансляции этнокультурных ценностей молодому поколению, семья в Дагестане привлекает пристальное внимание ученых (Б. М. Алимова¹, М.-П. А. Ибрагимов²) с целью изучения характерных ей изменений, оценки с позиций

современной реальности и определения вектора дальнейшего развития.

К факторам, вызывающим особую тревогу дагестанской общественности, в том числе и научной, относятся те явления и процессы, которые, несмотря на сохранение консервативного облика дагестанской семьи, свидетельствуют о тенденциях разрушения ее традиционных основ, что находит выражение в снижении устойчивости семейно-брачных отношений, росте конфликтного потенциала и увеличивающейся динамике разводов в дагестанских семьях³.

Указанный спектр проблем требует глубокого социологического осмысления источников их возникновения и последствий для функционирования традиционной семьи как базовой ячейки дагестанского общества. Включение в широкий социологический контекст проблем, традиционно изучающихся дагестанскими учеными, преимущественно с позиций исторической и этнографической науки, определяет необходимость исследования традиционной семьи в Дагестане с учетом ее институциональной трансформации и кризисных факторов, обуславливающих векторы ее развития.

Пространство соотношения традиционного и инновационного в семейно-брачной сфере дагестанского общества является достаточно противоречивым, так как реанимация ряда архаических элементов семейной жизни в ходе их реализации в реальной семейной практике не соответствует той логике трансформации традиционной семьи, которая связана с имеющей место в дагестанской среде эгалитаризацией семейных отношений. Возникает ситуация, когда полное восстановление традиционной семьи в ее архаическом варианте с опорой на патриархальные устои и религиозные предписания уже невозможно, но усилия, предпринимаемые в этом направлении, значительно препятствуют развитию нуклеарной семьи в ее современном формате, основанном на эгалитарных ценностях. Это состояние баланса традиционного и инновационного в функционировании института традиционной семьи в Дагестане – своего рода турбулентное пространство, в котором варианты развития семейных отношений зависят от многих факторов, способных изменить соотношение традиционного и инновационного в ту или иную сторону с соответствующими последствиями – архаизации традиционной семьи или ее инноватизации, т. е. эгалитаризации.

Эмпирическая база исследования включает в себя результаты социологического исследования, проведенного в Дагестане в 2016 г. на тему «Трансформация традиционной дагестанской семьи» в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Каякентском, Кизилюртовском, Карабудахкентском, Кизлярском, Лакском, Левашином, Новолакском, Хасавюртовском районах, гг. Дербент, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Ха-

савюрт. Распределение респондентов по этнической принадлежности выглядит следующим образом: аварцы – 29,2%, агулы – 1,0%, азербайджанцы – 4,5%, даргинцы – 16,9%, кумыки – 14,8%, лакцы – 5,5%, лезгины – 13,2 %, русские – 3,6%, рутульцы – 0,9%, табасаранцы – 4,1%, чеченцы – 3,2%, цахуры – 0,3%; по гендерному признаку: мужчины – 48,1%, женщины – 51,9%.

Результаты исследования

Исследование состояния традиционной семьи в Дагестане показывает наличие в современной семейно-брачной сфере дагестанцев традиционного и инновационного компонентов. В этой связи для нас интерес представляет отношение опрошенных к традиционным семейным ценностям, их ориентированность на поддержание таковых или игнорирование на фоне происходящих в современном дагестанском обществе кардинальных изменений.

В нашем эмпирическом исследовании респондентам был задан вопрос о том, в какой мере соблюдаются, по их мнению, семейные традиции в современном дагестанском обществе (табл. 1).

По результатам нашего исследования, в массовом сознании опрошенных превалирует позиция, что семейные традиции в Дагестане соблюдаются не в полной мере; по этнической принадлежности его разделяет больше половины опрошенных среди аварцев, даргинцев, лакцев, кумыков и русских, а также в подгруппах убежденно верующих, верующих и неверующих, каждый второй среди лезгин из колеблющихся, каждый третий среди чеченцев. С образовательным статусом повышается доля придерживающихся данной позиции – 51,3% со средним, 49,7% средним специальным и 60,2% высшим образованием. По гендерному признаку среди женщин оказалось больше тех, кто убежден в том, что семейные традиции и обычаи не соблюдаются в дагестанском обществе в полной мере (57,4%), в противовес каждому второму опрошенному среди мужчин (48,7%). В подгруппе верующих дагестанцев доминирует убежденность в этой позиции, что позволяет утверждать, что традиционные устои семейной жизни в дагестанском обществе пошатнулись и дагестанцы уже не считают необходимым соблюдать абсолютно все традиции, прежде определявшие содержание и характер семейно-брачной сферы жизнедеятельности дагестанского социума.

Далее, обращает на себя внимание позиция опрошенных, отмечающих, что в сельской местности соблюдают все семейные традиции и обычаи, в отличие от городской, в которой соблюдаются «только некоторые семейные традиции и обычаи». И такая позиция присуща каждому второму опрошенному среди аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, подгруппе убежденно верующих и неверующих, каждому третьему среди

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В какой мере соблюдаются в современном дагестанском обществе семейные традиции и обычаи?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

Националь-ности	Варианты ответов				
	В современном дагестанском обществе в полной мере соблюдают все семейные традиции и обычаи	В современном дагестанском обществе не в полной мере соблюдают семейные традиции и обычаи	В современном дагестанском обществе вообще не соблюдают семейных традиций и обычаев	В сельской местности соблюдают все семейные традиции и обычаи, в городской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи	В сельской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи, в городской местности вообще не соблюдают семейных традиций и обычаев
По национальности					
Аварцы	17,8	58,2	4,9	42,0	16,0
Даргинцы	18,9	62,9	5,8	41,2	14,8
Кумыки	23,0	43,7	15,6	31,9	10,4
Лакцы	12,5	63,5	8,7	40,4	12,5
Лезгины	25,7	48,6	4,6	41,3	11,0
Русские	24,1	68,5	1,9	33,3	1,9
Чеченцы	17,9	33,3	16,7	38,1	6,0
По отношению к религии					
Убежденно верующий	30,0	52,7	5,0	42,3	9,6
Верующий	20,9	55,1	7,3	38,7	12,3
Колеблющийся	9,7	49,5	5,8	53,4	12,6
Неверующий	16,7	54,2	8,3	45,8	20,8
Убежденно неверующий	8,3	66,7	0	25,0	25,0
Всего по обоим признакам	21,2	54,4	6,8	40,5	12,4

чеченцев, кумыков, русских и самоидентифицирующихся как неверующие; с ростом образовательного уровня снижается доля считающих, что в сельской местности, по сравнению с городом, соблюдают все семейные национальные традиции и обычаи дагестанских народов: 45,8% со средним, 40,1% средним специальным и 36,4% с высшим образованием.

Вместе с тем каждый пятый опрошенный по всему массиву утверждает, что в современном дагестанском обществе в полной мере соблюдают все семейные традиции и обычаи. По этнической принадлежности данный вариант ответа разделяют каждый третий опрошенный в подгруппе убежденно верующих, каждый четвертый среди кумыков, лезгин и русских, каждый пятый в подмассиве верующих и даргинцев, а также 25,6% имеющих среднее специальное образование, 22,1% среднее и 18,9% высшее. Суждение «в сельской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи, в городской местности вообще не соблюдают семейных традиций и обычаев» разделяют каждый четвертый опрошенный среди убежденно неверующих, каждый пятый в подмассиве неверующих, каждый шестой среди аварцев, каждый седьмой среди даргинцев, каждый восьмой среди лакцев и в

подгруппе верующих и колеблющихся, каждый девятый среди лезгин, каждый десятый среди кумыков, что свидетельствует о наличии в духовно-нравственной сфере современного дагестанского общества сложных и противоречивых процессов.

Видимо, ухудшение духовной сферы и духовного здоровья дагестанцев обусловлено происходящими на постсоветском пространстве преобразованиями, которые, с одной стороны, предоставили людям широкую свободу и возможности практически во всех сферах социального взаимодействия, с другой, усиление религиозного фактора и роли духовенства, которое стремилось влиять практически на все сферы жизнедеятельности человека, имело не всегда позитивные последствия. В массовом сознании дагестанских народов имеет место восприятие религиозных обрядов как национальных традиций народов, исповедующих исламское вероучение, очень часто и их отождествление, когда религиозные нормы поведения выступают как составляющие национальной этики и этикета, например, когда традиции светских форм бракосочетания заменяются религиозным обрядом «мавлид». Следует отметить, что мавлидная свадьба – явление позднее, получившее распространение

в последние десять–пятнадцать лет. Дагестанские этнографы (С. Ш. Гаджиева, А. Г. Булатова, Б. М. Алимова, М. Б. Гимбатова и др.) на основе полевого материала показывают, что в традиционном дагестанском обществе у жениха свадьба проходила широко и весело, с песнями, танцами, инсценировками, ряжеными. Семейное торжество превращалось в общесельское, в котором принимало участие все общество (джамаат). Мавлиды проводились в редких случаях, когда семью или кого-либо из тухума постигало горе. У невесты свадьба проходила более скромно, она так и называлась «тихая свадьба». Таким образом, можно отметить наличие в семейно-брачной сфере дагестанцев, принадлежащих исламу, изменение обряда проведения свадьбы – переход к безалкогольной, религиозной форме свадьбы, с пением нашидов (мусульманское песнопение, исполняемое традиционно только мужским или детским вокалом (в хоре или соло) без музыкальных инструментов. Согласно авторитетному мнению большинства мусульманских богословов, использование музыкального (инструментального) сопровождения не разрешено).

Религиозное возрождение в республиках распространения ислама сопровождалось ростом религиозного экстремизма, появлением ваххабитской идеологии в религиозном пространстве Дагестана, последствием которого является жесткое внутриисламское противостояние между традиционным исламом и ваххабизмом⁴. Также обращает на себя внимание внешний облик молодых дагестанок, которые стали носить нетрадиционную для дагестанских народов одежду – хиджаб: следует отметить, что такая форма одежды молодой девушки привлекает молодых людей не только в сельской, но и городской местности и имеет для них большое значение при вступлении в брак, ибо он (молодой человек) изначально ориентирован на создание семьи с «закрытой девушкой». На данный факт обращают внимание дагестанские исследователи, подчеркивая, что «мусульманские религиозные догмы требуют установки таких порядков в отношении к женщине, которые никогда не были присущи дагестанской женщине – это затворничество, ношение ими костюма хиджаб и т. д. С такими воззваниями обращаются современные представители духовенства к дагестанским женщинам. Они не только своих жен и дочерей заставляют надевать костюм хиджаб, но и неоднократно призывают женщин Дагестана выполнять все установки, порядки, якобы проповедуемые исламом»⁵. Очень часто после замужества молодую жену муж заставляет носить хиджаб, в случае отказа это может привести к разводу, хотя историческая практика свидетельствует, что в Дагестане женщина никогда не была на положении рабыни и никогда не носила ни чавчак, ни паранджу, ни чадру и т. д. Она всегда носила чухту, которая не в полной степени покрывала во-

лосы на голове, а при выходе на улицу поверх чухты надевала платок. Распространенный в современном Дагестане костюм (хиджаб) является традиционной одеждой женщины арабских стран. В этой связи совершенно правомерно звучит вопрос известного дагестанского этнографа, фамилиста С. С. Агашириновой: «А что же получается сейчас, если следовать этим принципам дагестанским женщинам? Получается, что наши дагестанские женщины должны носить арабский костюм, а не свой национальный. Почему современные муллы призывают одеваться девочкам в чужой традиционный костюм чуть ли не с 3–4 лет», и она дает следующий печальный прогноз: «...непонятно к чему мы придем через лет десять, когда все женщины будут ходить в хиджабах или надевать паранджу. Мы не имеем права поощрять эти призывы дагестанских мулл, ибо мы сейчас живем в иных социально-экономических условиях, а не в средневековый период»⁶.

Далее, с целью более глубокого анализа происходящих в современном дагестанском обществе преобразований, в нашем исследовании был задан «контрольный вопрос», позволяющий установить декларируемое и реальное поведение дагестанцев (табл. 2).

Результаты нашего исследования демонстрируют, что в массовом сознании дагестанцев доминирует суждение «в моей семье соблюдают только некоторые национальные традиции и обычаи моего народа», разделяемое большей долей опрошенных по всему массиву, впрочем, как и по этнической принадлежности, причем выделяются здесь респонденты даргинцы, лакцы, русские и чеченцы. Следует отметить, что русские и чеченцы не являются для данного региона автохтонными этническими группами, т. е. ареал их национальной культуры находится за пределами Дагестана, и, вероятно, этим объясняется указанная ситуация, связанная с их отношением к семейным традициям и обычаям; по образовательному признаку 59,2% опрошенных со средним, 53,6% средним специальным и 55,5% с высшим образованием также подчеркнули, что их семья соблюдает только некоторые национальные традиции и обычаи своего народа. В гендерном отношении ответы распределились так же, как и в отношении восприятия ситуации на уровне всего общества: среди тех, кто считает, что в их семье соблюдаются абсолютно все традиции и обычаи, чуть больше оказалось мужчин (около 39,8%), по сравнению с женщинами (34,0%). Вторую позицию занимает вариант ответа «в моей семье соблюдают все национальные традиции и обычаи моего народа», отмеченный каждым вторым опрошенным в лезгинской подгруппе, каждым третьим среди аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, а также во всех образовательных подгруппах, каждым четвертым среди русских и чеченцев. По гендерному признаку вышеприведенное суждение разделяют 51,0% мужчин и заметно большая доля женщин (59,1%).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Соблюдаете ли Вы в своей семье традиции и обычаи своего народа?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

Националь-ности	Варианты ответов			
	В моей семье соблюдают все национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье соблюдают только некоторые национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье по определенным причинам вообще не соблюдают национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье не считают нужным соблюдать национальные традиции и обычаи моего народа
Аварцы	37,1	55,7	2,8	1,8
Даргинцы	33,3	60,1	1,7	4,1
Кумыки	28,9	58,5	5,9	3,7
Лакцы	28,8	61,5	6,7	1,0
Лезгины	40,4	52,3	4,6	0,9
Русские	25,9	63,0	7,4	0
Чеченцы	26,2	60,7	8,3	1,2
Всего	35,7	56,2	3,8	2,2

При этом позиции «в моей семье по определенным причинам вообще не соблюдают национальных традиций и обычаев моего народа» и «моей семье не считают нужным соблюдать национальные традиции и обычаи моего народа» отмечены статистически небольшой долей опрошенных, хотя по этнической принадлежности здесь выделяются чеченцы (каждый двенадцатый) и русские (каждый четырнадцатый). Среди опрошенных мужчин, по сравнению с женщинами, почти в 2 раза больше доля придерживающихся суждения, что их семья по определенным причинам практически не придерживается национальных традиций и обычаев своего народа – 4,5% и 2,9% соответственно.

Таким образом, восприятие семейной реальности на уровне всего дагестанского общества в целом совпало с индивидуальной оценкой этой реальности. При этом важно понимать, что на характер жизнедеятельности дагестанской семьи в плане приверженности традициям и обычаям уровень образования респондентов не влияет. По результатам нашего эмпирического исследования установлено, что значительных расхождений в ответах респондентов как с высшим образованием, так и без такового не наблюдается. С незначительным отрывом выделяются респонденты со средним образованием, в большей степени проявивших меньшую приверженность соблюдению традиций и обычаев в семье, нежели представители с высшим и средним специальным образованием.

Эта ситуация заставляет задуматься над тем, что же тогда определяет характер семейных практик в Дагестане, какие факторы влияют на семейные ориентации дагестанских народов? Нам представляется, в значительной мере играют роль факторы микро- и макросреды, которые определяют общий фон развития семейной сферы Дагестана, в определенной степени подверженной тенденциям как либерализации, так

и традиционализации семейных отношений. Социализированная в этих условиях личность, независимо от уровня образования, сохраняет приверженность полученным в ходе семейной социализации ценностям и ориентациям. Здесь следует отметить, что факторы семейной социализации играют преобладающую роль для дагестанцев, у которых ценность семьи, как показывают результаты исследования, продолжает оставаться на самом высоком уровне, занимая лидирующие позиции в системе ценностной иерархии, хотя наблюдаются определенные изменения в сфере репродуктивных установок дагестанского общества, и прежде всего у молодого поколения. Речь идет о том, что репродуктивные установки дагестанской молодежи уже не отражают ориентированности на большое количество детей в семье при всем том, что, по сравнению с общероссийскими данными, дагестанская молодежь демонстрирует более высокие показатели: в большинстве случаев, как отмечают ученые, опросившие студенческую молодежь Дагестана, молодые дагестанцы планировали иметь от двух до четырех детей (при этом больше всего они ориентированы на трехдетную семью), но для Дагестана, который всегда славился своей многодетностью, представленные показатели, как пишут авторы данного исследования, не являются высокими (М. М. Шахбанова⁷, А. В. Верещагина⁸, Д. С. Шихалиева⁹). Соответственно, наметившаяся тенденция снижения рождаемости в Дагестане в постсоветский период, несмотря на высокие показатели по данному демографическому критерию среди других российских регионов, также является отражением детрационализации семейной сферы.

При всем том, что архаические традиции начинают возрождаться в дагестанском обществе в сфере семейных отношений, современные тенденции, находящие отражение в семейных практиках других регионов России, связанные с

либерализацией семейной сферы и трансформацией гендерных отношений, еще не находят поддержки в дагестанской среде. В данном случае речь идет о внебрачной рождаемости и отношении к ней дагестанцев. Прежде чем изложить полученный социологический материал, представляется необходимым обратиться к содержанию явления «внебрачная рождаемость», которая, по мнению известного фамилиста С. И. Голода, стала «реальным фактом»¹⁰. Согласно всероссийским данным, с 1970-х гг. начался рост доли внебрачных рождений в общем объеме рождений. Число рождений вне зарегистрированного (нелегитимного) брака повысилось за период 2000–2004 гг. на 31,8%, сохраняя тренд изменений, существующих с 1994 г. В результате доля внебрачных рождений продолжает расти и уже достигла почти 30,0% общего числа родившихся. Доля внебрачных рождений составила в 2003 г. в городах 28,6%, у сельского населения – 32,6%. В то же время однозначно интерпретировать абсолютный и относительный рост внебрачных рождений как рост рождаемости у одиноких матерей мешает одно важное обстоятельство: число рождений, зарегистрированных на основании заявления от обоих родителей, увеличивается еще быстрее, чем общее число родившихся вне зарегистрированного брака. По сравнению с 1999 г., эта категория родившихся увеличилась на 37,1%. Темпы увеличения рождений, зарегистрированных на основании заявления одной матери, в последние годы снижаются. Доля внебрачных новорожденных детей, признанных своими отцами (что на практике чаще всего происходит с полного согласия матери ребенка), приближался к половине в 2003 г. (48,4%). В городском населении доля рождений, зарегистрированных на основании совместного заявления родителей, в общем числе внебрачных рождений увеличивалась непрерывно, по крайней мере, с конца 1980-х гг. В 1980 г. эта доля составляла 36,6%, а

в 2003 г. впервые в истории превысила половину всех внебрачных рождений – 50,5%¹¹.

В рамках нашего исследования интерес представляло установление отношения дагестанцев к появлению ребенка вне официально зарегистрированных отношений между родителями. Как показывают полученные результаты исследования, в массовом сознании всех дагестанских народов сохраняется неприятие внебрачной рождаемости (табл. 3).

По всему массиву опрошенных доминирует негативная оценка внебрачной рождаемости с мотивацией «ребенок должен расти в полной семье», отмеченная большим количеством опрошенных во всех этнических подгруппах, за исключением заметно меньшей доли русских (каждый третий) и лакцев (каждый второй), которые, по сравнению с другими респондентами, толерантно настроены к возможности иметь ребенка вне официально заключенного брака. По гендерному признаку 55,0% мужчин и 54,6% женщин, 56,5% опрошенных со средним, 52,4% средним специальным и 54,4% с высшим образованием также ближе отрицательная установка в отношении внебрачной рождаемости.

Каждый четвертый опрошенный по всему массиву рассматривает такой шаг женщины как безнравственный поступок, и преобладает доля таковых в подгруппе аварцев и лакцев (каждый третий), каждый четвертый среди даргинцев и лезгин, каждый шестой среди кумыков и чеченцев. Данное суждение разделяет статистически небольшая доля опрошенных русских. По признаку пола 29,3% мужчин и меньшая доля женщин (23,4%), респонденты со средним (28,6%), средним специальным (19,9%) и высшим образованием (26,6%) также характеризуют данное явление как безнравственное.

Отрицательную оценку внебрачной рождаемости с мотивацией «внебрачный ребенок будет закомплексованным и чувствовать себя диском-

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к внебрачной рождаемости (когда женщина принимает решение стать матерью, не состоя в официальном браке)?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

Национальности	Варианты ответов				
	Положительно, это свободный выбор каждой женщины	Положительно, каждая женщина имеет право на то, чтобы стать матерью	Отрицательно, ребенок должен расти в полной семье	Отрицательно, внебрачный ребенок будет закомплексованным и чувствовать себя дискомфортно среди сверстников	Отрицательно, это безнравственно
Аварцы	10,1	15,5	55,9	27,8	31,7
Даргинцы	16,5	16,2	57,0	27,5	25,1
Кумыки	17,8	18,5	54,8	12,6	17,8
Лакцы	14,4	22,1	48,1	19,2	31,7
Лезгины	16,5	22,0	55,0	20,2	22,9
Русские	33,3	35,2	29,6	9,3	7,4
Чеченцы	25,0	8,3	57,1	11,9	16,7
Всего	15,9	17,6	54,6	22,9	25,2

фортно среди сверстников» разделяет каждый четвертый опрошенный по всему массиву, столько же аварцев и даргинцев, каждый пятый среди лезгин и лакцев, меньше всего таковых в подгруппе кумыков (каждый восьмой опрошенный) и русских (каждый одиннадцатый). По гендерному признаку 22,0% мужчин и 23,2% женщин, а также 24,1% респондентов со средним, 21,7% средним специальным и 22,7% с высшим образованием демонстрируют свою заботу о психологическом состоянии ребенка, который может испытывать дискомфорт среди ровесников, тем более если он будет сталкиваться с оскорблением его личного достоинства, что также нельзя сбрасывать со счетов.

Вместе с тем позитивно к внебрачной рождаемости, потому что «каждая женщина имеет право на то, чтобы стать матерью», относятся 16,0% мужчин, 18,4% женщин, 17,2% со средним, 18,1% средним специальным и 17,8% высшим образованием, каждый третий опрошенный среди русских, каждый пятый среди лакцев, лезгин и кумыков, каждый шестой среди даргинцев и аварцев, и обращает на себя внимание позиция чеченцев, доля которых, по сравнению с другими этническими подгруппами, заметно меньше. Решение женщины родить ребенка вне брака с мотивацией ее «свободного выбора» поддерживают 16,2% мужчин и 15,8% женщин, респонденты со средним (14,1%), средним специальным (18,7%), высшим образованием (15,4%); по национальной принадлежности, по сравнению с другими подгруппами, доля таковых больше среди русских (каждый третий опрошенный) и чеченцев (каждый четвертый), в то время как среди остальных респондентов она составляет менее 20,0%.

Отношение респондентов к внебрачной рождаемости во многом определяется религиозными установками, о чем мы судим по результатам исследования в разрезе отношения респондентов к религии. Так, негативный подход к внебрачной рождаемости демонстрируют 58,5% самоидентифицирующихся как убежденно верующие, 55,5% верующих, придерживаясь установки о необходимости растить «ребенка в полной семье»; заметно снижается доля отрицательно оценивающих внебрачную рождаемость в позициях колеблющихся (44,7%), неверующих (33,3%) и убежденно неверующих (50,0%). Далее, по сравнению с другими подгруппами, подмассив убежденно верующих и, что вызывает удивление, убежденно неверующих считает решение женщины стать матерью, не состоящей в официальном браке, безнравственным, а доля таковых среди верующих составляет 21,2%, колеблющихся – 11,7% и 25,0% неверующих. Каждый третий опрошенный среди колеблющихся, каждый четвертый среди убежденно верующих и убежденно неверующих, каждый пятый среди верующих и каждый восьмой среди неверующих отмечают, что внебрачный ребенок будет «заком-

плексованным и чувствовать себя дискомфортно среди сверстников». Позитивное восприятие внебрачной рождаемости демонстрируют подгруппы убежденно неверующих (41,7%), неверующих (29,2%) и колеблющихся (24,3%), в то время как процентное соотношение среди верующих и убежденно верующих заметно меньше – 18,9 и 10,0% соответственно. Такой подход первых трех групп дополняется суждением о свободном выборе женщины при принятии решения о рождении ребенка – 33,3% неверующих, 27,2% колеблющихся и 16,7% убежденно неверующих в противовес 6,9% убежденно верующих и 16,5% верующих.

При анализе полученной социологической информации мы можем констатировать наличие в массовом сознании респондентов на первый взгляд противоречивых позиций: так, одинаковая доля опрошенных в подгруппе убежденно неверующих оценивает внебрачную рождаемость одновременно как право каждой женщины стать матерью, так и называя ее безнравственным поступком. Кроме того, такое же противоречие можно отметить и в суждениях верующих, которые, с одной стороны, негативно воспринимают решение женщины стать матерью, не будучи в официальном браке, но при этом рассматривают такой поступок как «свободный выбор каждой женщины». Однако такое впечатление о позициях опрошенных в отношении религии не в полной мере отражают реалии: так, в массовом сознании дагестанцев существует приоритет шариатского брака перед официально заключенным в ЗАГСе (26,6%). Если в православии проведение обряда венчания допускается в любое время, то в исламе в этом отношении существует жестко фиксированное правило – обязательно до свадьбы, поэтому значимость данного ритуала для мусульман очень велика. Если в городской среде еще можно встретить поколение, которое допускает игнорирование заключения брака по исламским канонам, то в сельской местности в этом отношении существуют четко определенные правила.

Таким образом, можно констатировать, что русские респонденты не так категоричны и в своем большинстве полагают, что каждая женщина имеет право на свободный выбор своей жизненной стратегии и потому не стоит отрицательно относиться к ее решению стать матерью, даже если она не состоит в браке. Наиболее категоричными оказались аварские и лезгинские респонденты, характеризующие такой поступок как безнравственный. Разногласий по гендерному признаку в этом плане не было зафиксировано: практически в равной мере отрицательно и положительно отреагировали на этот вопрос и мужчины, и женщины в проведенном нами исследовании с той только разницей, что большее количество мужчин данный поступок женщины признали безнравственным, по сравнению с респондентами-женщинами, что можно понять

– женщине в большей степени понятны мотивы такого выбора женщины, решившей родить ребенка, не состоя в браке.

По мнению С. И. Голода, сексуальные отношения до брака, рождение ребенка вне брака и самоценность эротического общения мужа и жены считались нарушением социокультурных норм. К нарушителям обычаев применялись различные по жесткости санкции¹². Н. Л. Пушкарева на основе сравнительного анализа принципов семьи и сексуальной этики в православии и католицизме делает вывод о том, что в православной концепции семьи и брака, отношения к женщине и сексуальной этике методы «устрашения» если и имели место, то не были преобладающими ни на ранних этапах, в X–XIII вв., когда на Руси широкое хождение имели византийские переводные тексты, ни позже, когда русское православие сформировало свой подход к мыслям и чувствам людей. Православие большей частью апеллировало к совести самого человека, соответственно, его внутренний самоконтроль должен был выполнять функцию жизненного регулятора. Также православие демонстрировало толерантность в оценке поведения человека: наказания женщин за добрачные связи, проявление сексуальности, конфликтную жизнь супружеской пары, прелюбодеяния и т. п. были не столь суровыми, как в странах распространения католицизма, и в большинстве случаев сводились к соблюдению поста определенной продолжительности, месяцев, реже 1–2 года, многочисленным поклонам, чистосердечному раскаянию и покаянию¹³. Иными словами, нормативные социокультурные требования и реальные практики в европейском докапиталистическом обществе зависели от конкретных условий места и времени и в той или иной степени не совпадали друг с другом. В течение всего периода существования семьи такого типа все сводилось к продолжению рода¹⁴.

Существование отдельных нетрадиционных поступков не исключало вместе с тем поддержки в общественном сознании представления о брачности и брачной рождаемости как социальной норме. И действительно, если иметь в виду Россию, то здесь вплоть до конца XIX в. браки носили, по сути, всеобщий характер: к возрасту 45–49 лет лишь 4% мужчин и 5% женщин оставались соответственно неженатыми и незамужними¹⁵. Стало быть, можно с большой вероятностью утверждать, что со времен Римской империи и вплоть до конца XIX в. институт брака обладал монополией на регулирование сексуальных отношений и воспроизводство детей¹⁶.

Рассматривая отношение опрошенных дагестанских народов к внебрачной рождаемости, следует обратить внимание и на состояние самой женщины, которая идет на такой шаг. Кроме того, будет неправильным рассматривать внебрачную рождаемость как специфическую черту российского общества. Так, исследовате-

ли отмечают, что рост внебрачной рождаемости в последние десятилетия XX в. является универсальной тенденцией, причем имеется и возрастная специфика. Еще не так давно рождение внебрачного ребенка было характерно для очень молодых матерей (до 20 лет) и для матерей старше 30 лет¹⁷, теперь же внебрачная рождаемость характерна для всех возрастов в равной степени – доля рождений вне зарегистрированного брака интенсивнее всего росла в возрастах максимальной брачности, достигая в возрастах от 20 до 35 лет 25–27%¹⁸.

Таким образом, институциональное пространство дагестанской традиционной семьи на современном этапе развивается на пересечении формальных и неформальных норм и правил, регулирующих семейные отношения в Дагестане и производных от норм законодательно закрепленного на всей территории России права (некоторые исследователи условно называют его позитивным правом), мусульманского права и обычного права. Последнее, как первичное по отношению к мусульманскому, за века своего существования во многом было поглощено мусульманским (шариатским) правом, а потому их разделение в ряде случаев является достаточно условным, но необходимым, поскольку адаты, или обычное право, еще сохраняет свой регулятивный потенциал в Дагестане¹⁹, особенно среди горских народов. Альтернативы развития института традиционной семьи в Дагестане во многом определяются характером трансформации формальных и неформальных правил и норм, регулирующих семейные отношения, а также тем, какие из них являются доминирующими на данный момент.

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что проникающие в институциональное пространство современной дагестанской семьи новые нормы и ценности сложно оценить однозначно, как, собственно, и тенденции, связанные с возвратом к некоторым из уже давно забытых семейных традиций, к которым относятся многоженство и ранние браки. Распространение архаических явлений в семейной среде современного Дагестана – это следствие исламизации населения республики, отражение роста значимости религиозных ценностей и установок. Реализация ряда архаических традиций в реальной семейной практике народов Дагестана создает противоречивое пространство соотношения традиционного и инновационного в семейной сфере дагестанского общества, что отразилось и на расхождении в идеальном и реальном образах семьи.

Образ идеальной семьи для дагестанского общества на данный момент можно охарактеризовать с помощью следующих признаков: официально зарегистрированный брак как приоритетный перед шариатским или «гражданским» типами брака; наличие детей в семье; раздельное

проживание от родителей (нуклеарный тип организации семейной жизни – супруги и дети); ориентация на эндогамию (прежде всего в контексте конфессиональной принадлежности, а потом – этнической); основа создания семьи – любовь и уважение; их утрата – серьезный повод для развода. Но при этом в массовом сознании дагестанских народов существует негативное восприятие внебрачной рождаемости с самой разной мотивацией, хотя имеет место и позитивная оценка такого шага женщины.

Примечания

- ¹ См.: Алимова Б. М. Современная дагестанская семья : проблемы и перспективы // Вестн. Ин-та ИАЭ. 2011. № 1. С. 48.
- ² См.: Алимова Б. М., Ибрагимов М.-Р. А. Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестн. Ин-та ИАЭ. 2016. № 2. С. 69–79.
- ³ См.: Курбанова З. А. Семейно-брачные отношения в Дагестане : ретроспектива и векторы развития // Вестн. ВолГУ. 2013. № 4 (21). С. 104.
- ⁴ См.: Шахбанова М. М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала, 2016.
- ⁵ Агаширинова С. С. К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье на современном этапе // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа : материалы регион. науч. конф. / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала, 2008. С. 60.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Шахбанова М. М. Межнациональный брак и его место в процессе формирования межэтнической толерантности // Наука и молодежь. Махачкала, 2008. С. 273–279.

- ⁸ См.: Верецагина А. В., Шахбанова М. М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестн. ДНЦ. 2013. № 50. С. 65–71
- ⁹ См.: Верецагина А. В., Шахбанова М. М., Шихалиева Д. С. Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10. С. 59–62.
- ¹⁰ Голод С. И. Семья : прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 25.
- ¹¹ См.: Население России 2003–2004 : Одиннадцатый–двенадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2006. С. 257.
- ¹² См.: Голод С. И. Семья : прокреация, гедонизм, гомосексуализм. С. 21.
- ¹³ См.: Пушкарева Н. Л. Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 57.
- ¹⁴ См.: Голод С. И. Семья : прокреация, гедонизм, гомосексуализм. С. 21.
- ¹⁵ См.: Волков А. Г. Семья – объект демографии. М., 1986. С. 108.
- ¹⁶ См.: Голод С. И. Семья : прокреация, гедонизм, гомосексуализм. С. 22.
- ¹⁷ См.: Голод С. И. Стабильность семьи : социологический и демографический аспект. Л., 1984. С. 6.
- ¹⁸ См.: Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России // Социс. 1999. № 6. С. 72–76.
- ¹⁹ См.: Сагидов А. М. Обычное право народов Дагестана : понятие, особенности, основные источники. URL: <http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/problemy-teorii-gosudarstva-i-prava/obychnoe-pravo-narodov-dagestana-ponyatie-osobennosti-osnovnye-istochniki-a-m-sagidov/> (дата обращения: 11.03.2016).

Образец для цитирования:

Гимбатова М. Б., Загирова Э. М. Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 23–31. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-23-31>

Cite this article as:

Gimatova M. B., Zagirova E. M. Traditional Family Development Institutional Alternatives in Dagestan. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 23–31 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-23-31>